

Макушка лета

Татьяна Грибанова

***
А после Троицы хлынуло лето!
Божья на мир снизошла

благодаря,
Снова в лугах, щедро залитых
светом,
Скирд новолетних
несчетная рать.

Вот за Кромой – ни далеко,
ни близко –
Загрмыхало, и сотнями риз
Дождик грибной,
светозарно-лучистой,
В роще березовой с веток
повис.

Тихою радостью, горним елеем
Душу мою он кропит и кропит.
Отче Всещедрый! Пускай
не скудеет
Дней золотых этих
вечная нить.

Радуг цветастых взойди
полукружья –
Нимб осиянный
над крышами сел.
– Сердце! Ну что тебе, мытарю,
нужно?
– Эти поля, эта речка и дол.

Проселочной дорогой

Приобоченные воздуха,
пропитанные духом великого
сонна трав, только-только
вошедших в пору цветения, об-
дают легкой прохладцей. У го-
ризонта, на почти истаявшем
кончике проселка, словно на
молодой веточке, раскрывается
ало-заревый бутончик татар-
нищи. Растет, распускается и,
наконец, заполоняет собой от
края до края всю восточную
часть поднебесья.

В полях стоит такая тишь,
что, кажется, оброни нена-
роком слово, гулким, перекат-
ным эхом аукнется оно на
пять верст в округе.

Лошадка бредет неторопко,
и с верхотурья, с навьюченно-
го свежескошенными лесными
донниками воза далеко-
о-нько видать! Телуга плывет
и плывет ни шагну ни валко
океаном неспелых, но уже вы-
колосившихся хлебов, словно
древняя струга идет себе мо-
рем Хвалынским.

Ядреным, в доброе сви-
ное ухо, подорожником да ди-
ким, в белых грамофончи-
ках, выюном замуравилась к
Петровка полевая дорога. По
обеим сторонам ее, насколько
осилишь дотянуться глазом, –
все хлеба и хлеба. Лишь изредка
по посереде поля крутой, не-
обшорканной копейкой об-
ъявится вдруг ни с того ни с сего,
опершись на высоченный теле-
графный столб, ракитовый ли-
ги калиновый куст... и опять
– голубые да синие волны.

А во рвах да овах перепел-
ки, будто стая рыбок, ныряют.

По закрайкам полей, точь-в-
точь как по берегу морскому,
белая пена – выплеснулись,
закипают белоснежной кипель-
но ромашки.

Повеет душистым приволь-
ным ветерком, и всколыхнется
море, и окропятся серебри-
стые ячмени сапфирами си-
них васильков, и омоет вете-
рок тот атласный от забот и
печалей сердце. И хлынет в
него благодатной волной дол-
гожданная отрада. Возликует,
возрадуется душа и окутавше-
му мир покою, и возшедшему
на небеса столыкому светилу,
и веселому пережуркиванию
перепелок.

Навряд ли сыщутся для рус-
ской души отраднее пути, чем
полевые проселковые дороги в
колосющихся хлебах.

Колосовики

Парной июньский рассвет,
будто малое дитя спросонья,
все кунежится и кунежится
над хутором, пока наконец-та-
ки, спустившись в подгорье, к
ручью Желтому, не спохватыва-
ется: а ведь и маки в пали-
саднике у Матвеевны, и вдоль
стежек цикории, божики ба-
тожки, всюю уже дупастят –
половина шестого, никак не
меньше!

Сполоснувшись в ключе-
вой водиче, пофыркав, взбо-
дрившись, утерся он лопуш-
ком и, стряхнув с себя послед-
ние капли ночи, обрызгав
нежным румянцем хуторские
избы, пережукуивающие
шмелиными запевками ат-
ласные куртины приобочен-
ных мальв, зашурстл меж
сизых озимых ржей в берез-
няки Ярочкина леска. Пора!
Пора шумануть и из его дрем-
ных трав сонь и лен, воца-
рившиеся там со вчерашнего
заката.

А над хлебами в поднебесье
уже высочил, повис на пер-
вом солнечном лучике жаво-
ронок: «Юль-юль-юль». И так
прокляит он теперь до самого
полудня, когда раскроются,
запылят неказистые цветоч-
ки ржи. Тут даже этот неум-
ный птах благоговейно при-
мохнет. И все тогда обомлет:
есть весь божий мир притихнет:
не мымыкнет нырнувшее по-
сле дойки в теник придольных
осокорей рябое хуторское ста-
до, не залоташат, не заспорят
пральниками на камушках
омутка хлопотные бабы, даже
псина не гмакнет ни на одном
подворье.

Божий мир, что не говори,
уж так устроен: нет в нем не-
благоуловенной поры. Каж-
дый день чем-нибудь да за-
манчив. А о перволетье нечего
и говорить! Самая благодат-
ная, самая душеотрадная по-
рушка. Луга и лощины, холмы

и косогоры укутались пестры-
ми шелками. Заметелились,
запылили дикие злаки, разбу-
тонились цветы. Куда ни по-
вернись, выколосились лило-
выми пиками куртины иван-
чая, по низинам да болоти-
нам благоухают, просыпаются
дробной пшенкою, пролива-
ются топленим молоком вез-
дущие валерьяны да тавол-
ги. Из хлебов подмаргивают,
не дают закручиниться задор-
ные васильки. Покосы и не-
удобья осыпают нежнейшим
эвонном небесные колокольцы.

Недели полторы как выко-
лосилась и вот теперь тоже
занялась цветами-пыльит
кормилица-рожь! Зерно еще
иссиня-зеленое, молочное, но
опытному глазу сразу видать:
крепнет, набирается силуш-
ки. Уж так спокон веку у хле-
бороба велось: не святотатчи-
чай об эту пору в поле. Прида-
чи каблукон цигарку, не ма-
терись, не горлань, не при-
касайся руками к цветущему
колосу.

К этому времени, когда
дробной маночкой засеет по
округе пыльца с цветущих
хлебов, бабы и девчата уже
перестают таскать из переле-
сков окатные жемчуга духови-
того ландыша. Зато, собирая
последние букетики, наткнут-
ся вдруг, возрадуется: «Ах ты,
батюшки! Объявились! Вы-
скочили первые колосовики!»

И, вынув из чулана раскру-
жаленные лаутиной плетуш-
ки да корзинки, обметут их

гусиным крылышком, да, не
откладывая в долгий ящик,
завтра же, с последними ко-
четами, спровадятся в леса и
лесочки, боры и рощицы. Об-
мяная молочные сныти да жа-
ровые горлицы, зашныряют
по ним наперегонки, оставляя
за собой, словно иголка узоро-
чья полевых цветов на рушни-
ке, витиеватые росные следы.
И пренебрежно – без обутки,
босиком. Так сподручней, да и
хвори, глядишь, занеумят.

Разве усидишь теперь
дома? На смену первым ве-
сенним грибам выскользнули
вторые – колосовики! Нарас-
тут, конечно, потом, с начала
июля по август, как нагрянет
уборка, еще и жнивники, стан-
нут вездесущие бабы по пути
с поля таскать в фартуках-пе-
редниках их разносортицу.
Грядет, дай только срок, и са-
мый сильный слой – листопад-
ники – с середины августа до
середины сентября, ему и обо-
ру не будет.

Но колосовики, как ни кру-
ти, – хоть и самая неприбы-
точная, самая краткая, порой
и всего-то недели полторы, не
боле, зато чистенькая, без ма-
лой червоточкини, оттого и
самая желанная грибная вол-
на. Как раз ее-то у нас и стара-
ются не упустить ни за какие
коврижки.

Все-то присматриваются,
все-то доглядывают: зашел
ли в палисадники шиповник,
открасовалась ли сирень, раз-
душились ли «любками», не-

приметными, но удивитель-
но ароматными фиалками,
ночи. Века веков велись у нас
эти «колосовиковые» приметы.
Уж как сплунут парные дож-
ди, отуманятся боры и впад-
ины, не промахнешься – хватай
посуд, пока кто пошвыдче не
опередил – скорее за колосо-
виками! А промежду прочим
гляди не упusti: и пучок пер-
вой, только-только заалевшей
землянички по светлым бере-
зовым склонам поднашкай.

Не знаю, как где, а у нас ко-
лосовиком прозывают именно
белый, березовый, всем гри-
бам гриб, настоящий король-
гриб, боровик, и никакой
иной. Что там какие-то мас-
ленки-опенки?! Им и счета не
ведется, а белый – каждый под
своим номером, по ранжиру,
пряма-таки на вес золота.

Всяк уважающий себя де-
ревенский знает, где и ког-
да брать белые. К примеру, в
Ярочкином леске, по правой
стороне, встречаются они все
больше семейственно, и от-
чего, никто толком и не веда-
ет, все-то тулятся обочь мура-
вейников. А как выступил на
поляны в Порточках несус-
ветная рать мухоморов – тут
и гадать не приходится, толь-
ко не ленись по отрогам... а-
зять – быть доброду добытку.
Но умаяешься-а! В этом берез-
няке белый встречается поод-
иночке.

В детстве, помнится, как
распустится перволетием у
ворот наших калина, так уж
и нет бабушке Наталье по-
кою. Какой уж тут покой, ког-
да Меркулия, небось, в За-
камных определила, «напорола»
тишком на их приметном ме-
сте корзинку боровиков?

Рассвет еще только-толь-
ко чебурахнулся в Желтый, и
я еще не пойму, в какой ру-
кав кофтенки руку просунуть,
а уж бабушка тормосок «на пе-
рекус» собрала, бидон (на слу-
чай ягода попадет) в плетуш-
ку кинула, торопит, подго-
няет меня с крыльца.

Ташусь за ней по Глиняной
дороге, в полудреме внемлю ее
приказке: «Чай, не позабыла,
солныш мой, не ошмыгнись –
в ельниках колосвик буроя-
бистый, крапчатый, что куе-
нок в светленьких пятнушках,
а коли под сосенку сырынь-
чь – туточки шапочка у него –
чистенькая, гладенькая, точь-
в-точь луковая томленая кра-
шенка».

А в лесу дремать среди эда-
кой красоты не подрем-
лешь: вот уже заревым, зо-
лотым, малахитовым кантом
обрамилась занавесь высо-
ченных елей, вот, коснувшись
одну за другой, восход зате-
пшил свечи молоденьких со-
сновых побегов, и тончайшие
сусальные дымы закурили
над макушками бора.

Колосовики! А-у-у!